Русско-английский словарь Софии Иосифовны Лубенской (далее – Словарь), безусловно, заслуживает внимания лингвистов, занимающихся исследованием фразеологии. Это не только самый полный русско-английский фразеологический словарь (около 13 000 фразеологизмов и 6 900 словарных статей), но и практически единственное лексикографическое описание русской фразеологии в сопоставлении с английской, основанное на современных представлениях о лингвистически значимых особенностях идиоматики¹. До нынешнего года Словарь был практически недоступен в России. Его английская версия вышла в 1995 году в Нью-Йорке [Lubensky 1995], а его первое русское издание [РАФС] 1997 года давно стало библиографической редкостью.

Понятно, что любой лексикографический труд, в основе которого лежит некая единая научная концепция, представляет интерес не только как инструмент получения информации о значении и особенностях употребления той или иной лексической единицы, но и как материал для развития теоретических знаний о природе соответствующего фрагмента лексикона. Так, Словарь дает богатый материал для размышлений над устройством межъязыковой эквивалентности в области идиоматики.

Рамки рецензии позволяют обсудить лишь некоторые аспекты концепции, лежащей в основе Словаря, и его основные отличительные особенности. В первой части рецензии я кратко опишу структуру словарной статьи, прежде всего те ее зоны, которые отличают Словарь от традиционных двуязычных фразеологических словарей. Во второй части я остановлюсь на некоторых моментах, представляющихся мне спорными, а в третьей части – на тех общих вопросах сопоставительного описания фразеологии, которые определяют основные параметры структуры двуязычного фразеологического словаря.

1. Словарная статья построена таким образом, что отвечает требованиям, предъявляемым как к переводным, так и к учебным

словарям. Помимо английских эквивалентов, она содержит развернутую информацию о семантике, синтактике и прагматике описываемых выражений, необходимую для их активного употребления человеком, для которого русский язык не является родным.

Грамматическая зона словарной статьи открывается указанием на морфосинтаксический класс фразеологизма (например, VP – для глагольных, NP – для именных, PrepP – для предложных групп). При идиомах-именных группах в необходимых случаях указывается падеж. Так, маркер NP_{gen} при идиоме *ни уха ни рыла* означает, что это выражение фиксировано в родительном падеже и в других падежах не употребляется. Далее, в грамматической зоне приводится информация о релевантных морфологических и синтаксических ограничениях. Например, сокращение *Invar* означает, что идиома не допускает варьирования, *sing only* – что она употребляется только в единственном числе (*демянова уха*), *usu. sing* – что единственное число предпочтительно (*чертова перчица*), *fixed WO* – что порядок слов фиксирован (ср. *на козе не подъедешь (к кому)*, в отличие от *дать дуба*, где порядок слов свободен: *он дал дуба vs. он дуба дал*). В ряде случаев указывается синтаксическая позиция, которую данный фразеологизм может занимать в предложении: например, подлежащее (*subj*) или дополнение (*obj*). При фразеологизмах-предикатах сообщается, каким лексическим материалом (хотя бы с точностью до семантической категории) насыщаются синтаксические валентности. Ср. *навязнуть в зубы* – *subj; usu. abstr* (подлежащее – как правило, абстрактное существительное), *ничего не значить* – *subj; abstr, human, or collect* (подлежащее – абстрактное существительное, обозначение лица или собирательное существительное)².

Информация, записываемая в грамматической зоне, представляет значительный теоретический интерес, так как позволяет выделить синтаксические структуры, типичные

¹ "Краткий русско-английский фразеологический словарь" ([Туревич, Дозорец 1995] – первое издание вышло в 1988 году) – очень полезный лексикографический источник, но не может быть сравним со Словарем ни по объему, ни по тщательности исполнения (особенно в подборе английских эквивалентов и иллюстративных примеров).

² Отметим, что информация о семантической категории существительных крайне полезна для иностранных читателей, причем не только с точки зрения правильного заполнения синтаксических валентностей, но и с точки зрения предотвращения соответствующих грамматических ошибок.

для русской фразеологии, очертить границы лексического варьирования и заставляет задуматься над причинами ограничений на те или иные синтаксические модификации. Внимательное изучение материала Словаря показывает, что помимо узуальных конвенций, лежащих в самой природе фразеологии, противопоставленной "свободным" словосочетаниям, причиной существующих ограничений часто оказывается специфика внутренней формы соответствующего фразеологизма. Так, например, неспособность идиомы образовывать пассив (при том что ее актуальное значение вполне допускает такую трансформацию) может объясняться тем, что лежащая в ее основе метафора не допускает агентивно-транзитивную интерпретацию (см. подробнее [Dobrovolskij 2000a]). Грамматическая информация, представленная в Словаре, имеет и чисто практическое значение, так как дает пользователю возможность разобраться в особенностях устройства и употребления каждого фразеологизма.

Например, запись [хоть + VP_{импер.}; Invar; indep. or subord clause; usu. this WO] при идиоме *хоть кол на голове теши (кому)* означает:

- что в структуре этой идиомы содержится императивная глагольная группа (эта информация существенна с практической точки зрения, так как форма *теши* может представлять для изучающих русский язык определенные трудности и вообще не осмысливаться как императив от редкого самого по себе глагола *тесать*);
- что компонентный состав идиомы строго фиксирован и не допускает ни лексического, ни синтаксического варьирования;
- что идиома (при заполненной дативной валентности) употребляется либо как самостоятельное высказывание (*Ему хоть кол на голове теши!*), либо как придаточное предложение (*Ему хоть кол на голове теши, он все равно не в состоянии понять, чем подлежащее отличается от сказуемого*);
- что данный порядок слов является предпочтительным; ср. явно менее узуальное *Ему на голове хоть кол теши!*

Идиомам-предикатам сопоставляется их пропозициональная форма. Эта информация записывается в отдельной зоне словарной статьи, например: *ни в зуб ногой* (в чём, по чему) – *в Y-e X ни в зуб ногой*. По сравнению с традиционным обозначением переменных (*кто-л в чём-л.*) такая форма записи, видимо, более удобна для двоякого словаря, так как позволяет без дополнительных комментариев сопоставить соответствующему русскому фразеологизму его английские эквиваленты с раз-

ными диатезами. Ср. *в Y-e X ни в зуб ногой* ≈ *X doesn't know beans <the first thing, a damn thing> about Y: Y is a closed book to X*. Эти модели даются в той видо-временной форме, в которой идиома чаще всего употребляется.

Еще одно существенное отличие Словаря от подобных лексикографических источников – это наличие толкований. Написанные до-английски толкования помогают пользователю понять значение каждого русского фразеологизма "изнутри", то есть без наложения дополнительных (и часто уводящих в сторону) признаков, содержащихся в плане содержания соответствующих английских эквивалентов. Толкования чрезвычайно полезны для переводчиков. Ни один словарь не может предложить все возможные варианты перевода того или иного фразеологизма, поскольку эти варианты, в силу самой природы перевода, всегда зависят от контекста, а охватить все потенциальные контексты невозможно в принципе. Толкование позволяет переводчику найти свой эквивалент, наиболее подходящий в каждом конкретном случае.

Приводимые в отдельной зоне словарной статьи эквиваленты редко совпадают с толкуемым русским фразеологизмом по всем релевантным параметрам. Английские эквиваленты особенно полезны для русскоязычного пользователя, так как даже при отсутствии полного совпадения с соответствующей русской идиомой в семантическом, синтаксическом и прагматическом поведении они дают представление о том, как данное понятие может быть выражено с помощью фразеологических средств английского языка (примеры см. ниже). Больше всего эквивалентов и иллюстративных примеров приводится для идиом-междометий типа *надо же!*, поскольку они в наибольшей степени чувствительны к контексту.

Зона иллюстративных примеров (один из важнейших компонентов любого словаря) содержит либо контексты из произведений художественной литературы, либо контексты, сконструированные автором (ср. приводимую ниже статью идиомы *носить воду решетом*). Все контексты переводятся на английский язык, причем при литературных примерах используются существующие переводы соответствующих произведений, часто предлагающие нетривиальные эквиваленты. Примеры такого рода, с одной стороны, показывают пользователю, что возможности перевода идиом на другой язык выходят за рамки "словарных эквивалентов", так как ни один словарь в принципе не может учесть все допустимые контекстно-обусловленные способы перифразирования высказываний с

данной лексической единицей, а с другой – предоставляет в распоряжение исследователя богатый материал для изучения влияния контекста на способ перевода фразеологических единиц, а также различных переводческих стратегий. Некоторые словарные статьи вообще не содержат примеров, что может рассматриваться как определенный недостаток Словаря, который, впрочем, может быть легко устранен в последующих изданиях.

В заключение этого раздела приведем в качестве иллюстрации пример полной словарной статьи.

НОСИТЬ <ТАСКАТЬ, ЧЕРПАТЬ> ВОДУ РЕШЕТОМ; НОСИТЬ <ТАСКАТЬ> ВОДУ В РЕШЕТЕ *all coll, iron or humor* [VP; subj: human; usu. infin after всё равно что or то же самое, что] to do sth. knowing that one's efforts, actions are in vain, will bring no results: делать X – всё равно что воду решетою носить = **doing X is like trying to carry <draw> water in a sieve; doing X is like plowing the sands**. Дмитрий человек упрямый, спорить с ним – все равно что воду решетою носить. Dmitry is a stubborn person: arguing with him is like trying to carry water in a sieve.

Из примера видно, что помимо описанных выше зон, словарная статья содержит и другие – более или менее традиционные для двуязычных фразеологических словарей – типы информации. Сюда относятся сведения о варьировании отдельных компонентов, о (приблизительных) английских эквивалентах, а также стилистические пометы (подробнее ниже). Некоторые фразеологизмы снабжены этимологическими комментариями; например: *отставной козы барабанищик, козел отпущения, положение хуже губернаторского*.

2. Некоторые черты Словаря кажутся мне дискуссионными. В первую очередь, это касается состава словаря. Словарь содержит достаточное количество единиц, по тем или иным параметрам маргинальных для фразеологической системы, и в этом смысле явно претендует на полноту. Ср., с одной стороны, такие малоизвестные – часто крайне устаревшие – идиомы, как *темна вода во облацех, охулки на руку не класть, выдѣлывать мыслете*, и такие слабоидиоматичные выражения, как *брать пример, брать в расчет / в соображение, отдавать / выходить замуж, войти в доверие / в привычку / в положение / в свои права, поставить под вопрос, не без основания* – с другой. Последние традиционно описываются не во фразеологических словарях, а в словарях сочетаемости. Этому есть вполне естественное объяснение: "классичес-

кие" идиомы представляют собой относительно обозримый инвентарь единиц лексической системы³, количество коллокаций такого рода превышает количество слов, по крайней мере, в 10 раз⁴, что делает описание коллокаций отдельной задачей. Ср. принятое в ТКС решение описывать коллокации в рамках словарной статьи соответствующего слова (то есть относиться к ним скорее как к сочетаниям лексических единиц, чем как к целостным лексическим единицам)⁵. При том, что Словарь включает указанные единицы, в нем нет вполне употребительных идиом типа (*чей-л.*) *путь не усыпан розами, тьму-таракань; седина в бороде, (а) бес в ребро; под дулом автомата <пистолета>* (ср. *Да я и под дулом пистолета не соглашусь на эти условия*). Понятно, что подобные претензии, часто предъявляемые к лексикографическим источникам, выглядят не вполне академично. Любый лингвист знает, что абсолютно полных словарей нет и не может быть в принципе. Включение-невключение той или иной единицы в словарь зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов, в том числе не в последнюю очередь от языковой интуиции автора. Тем не менее, от словаря столь высокого класса можно было бы ожидать большей точности в этом вопросе. Вполне допустимо, например, исключить из рассмотрения все коллокации и словосици, оставив в словнике только идиомы. Можно ограничиться при этом

³ По имеющимся оценкам количество идиом, реально употребляемых в каждый конкретный период развития языка, составляет в языках с развитой литературной традицией порядка 10 000.

⁴ Ср. следующее наблюдение И.А. Мельчука: "they outnumber words at least 10 to 1, the lion's share of their inventory being collocations" [Mel'cuk (in print)].

⁵ Если исходить из того, что лексический состав коллокаций часто довольно непредсказуем и информация такого рода полезна читателю, включение определенных коллокаций во фразеологический словарь (особенно адресованный иностранному пользователю) может оказаться целесообразным с практической точки зрения. Однако и в этом случае стоит ограничиться по-настоящему "непредсказуемыми" коллокациями типа *возлагать надежды* или *одержать победу* (этой коллокации в Словаре, кстати, нет), исключив семантически прозрачные квазипродуктивные сочетания (см. подробнее [Апресян 2004]).

лишь тем материалом, который представлен в современных текстах (такая стратегия выбрана в [Тезаурус (в печати)]). Допустимо ввести ограничения стилистического или даже прескриптивно-нормативного характера, исключив из словника все грубые, неприличные и нецензурные идиомы. По этому параметру Словарь также не обнаруживает последовательности. В Словаре есть подобные идиомы, даже две нецензурных (ср. словарную статью под номером М 50)⁶. Спрашивается, почему из всего богатого репертуара идиом с obscene-ным компонентом выбраны именно эти. Почему при этом отсутствуют известные идиомы с гораздо более невинным компонентным составом, такие, например, как зафиксированное в [Ожегов, Шведова 1992] выражение *из говна конфетку сделать*?

Следующий пункт, заслуживающий обсуждения, – это толкования. Оговорю сразу, что в большинстве случаев они точны и написаны удивительно простым и ясным языком, в очередной раз доказывая, что простота и доступность словарного описания не только не снижает его научного уровня, но скорее свидетельствует о строгости мышления лексикографа. Однако встречаются толкования, которые можно было бы уточнить. Возьмем уже обсуждавшийся выше пример – идиому *носить воду решетом*. Толкование "to do sth. knowing that one's efforts, actions are in vain, will bring no results" (=делать что-л., зная, что собственные усилия, действия напрасны, не принесут результатов) представляется не вполне точным. Ведь тот, кто *носит воду решетом*, совсем не обязательно знает, что его усилия напрасны. Более того, как правило, он этого знать не должен. Это знает говорящий, о чем свидетельствует тот факт, что он выбрал для описания соответствующей ситуации именно эту идиому⁷. Ср., например, довольно типичный контекст (1):

(1) <...> число правонарушений несовершеннолетних по сравнению с прошлым годом уменьшилось на 12%. И все же 100% охвата детей обучением мы пока добиться не можем. <...> Главная задача –

предупредить сам факт отсутствия надзора, при этом бороться только полицейскими методами – все равно, что *носить воду в решете* (Публицистика Интернета).

Из примера (1) видно, что оценка усилий / действий субъекта как напрасных, нерезультативных принадлежит не самому субъекту (иначе он бы этого не делал), а говорящему. Видно также, что причина тщетности усилий субъекта – неправильно выбранный метод ("инструмент" в широком смысле). Эта идея заложена во внутренней форме идиомы (решето – явно неподходящий инструмент для ношения воды) и – как и во многих подобных случаях – отражается в ее актуальном значении (см. подробнее [Баранов, Добровольский 1998]). Соответственно, я бы предложил для этой идиомы такое толкование: 'to try to achieve a goal using a totally inappropriate means for achieving this goal, which inevitably leads to failure' (=пытаться достичь некоей цели, используя для этого совершенно неподходящие средства, что неизбежно ведет к неудаче'). Именно заложённая во внутренней форме⁸ идея "неподходящего средства" отличает эту идиому от других выражений семантического поля ТИЧЕТНЫЕ УСИЛИЯ. Ср. идиому *толочь воду (в ступе)*, в фокусе которой находится абсурдность и бессмысленность совершаемого действия, *искать иголку в стоге сена*, фокусирующей идею чрезмерной сложности задачи по поиску кого-либо или чего-либо, что делает усилия, затрачиваемые на ее решение, малоэффективными, или *биться как рыба об лед*, где в фокусе оказывается идея отчаянной борьбы субъекта с непреодолимыми (в силу неблагоприятных объективных обстоятельств) трудностями. Эти примеры показывают, что толкования в большей степени опирающиеся на внутреннюю форму и признающие за образной составляющей статус особого компонента значения, оказываются более точными (см. [Добровольский 1996]). В одних случаях толкования Словаря учитывают образную составляющую, в других – не вполне⁹.

⁸ Ср. понятие "этимологической памяти" в [Апресян 1995].

⁹ Ср. *толочь воду (в ступе)* – "to do something absolutely fruitless, useless for a long period of time (often used in situations when one engages in empty talk instead of taking action in some matter)"; *биться как рыба об лед* "to strive in vain to cope with one's low standard of living, work very hard to survive", *как иголка в стогу* <в стоге> *сена* "(a person, thing etc that has vanished and is) very difficult or almost impossible to find".

⁶ Эти идиомы, кстати, обладают весьма сложной семантической структурой, обнаруживая развитую полисемию, ср. [Буй 1995]. В Словаре они не протолкованы. Содержащееся в этой словарной статье указание "a very strong expletive" (=ставное/бранное выражение), естественно, не может считаться толкованием.

⁷ Понятно, что в некоторых контекстах субъект действия и говорящий могут совпадать, но такое совпадение не является обязательным.

Некоторые толкования оказываются трудно верифицируемыми, особенно если речь идет об устаревшем выражении, а соответствующая словарная статья не содержит примеров. Ср. идиому *с царём в голове*, толкуемую в Словаре как "one is clever, practical, one knows how to get things done etc.". В отличие от антонимичной идиомы *без царя в голове*, это выражение практически полностью вышло из употребления. Современные контексты, которые удается найти, оказываются в той или иной степени игровыми и / или отталкиваются от семантики идиомы *без царя в голове*. Ср. контекст (2), где выражение *с царем в голове* осмысливается как что-то вроде "не совсем уж бестолковый".

(2) <...> от водителя не требуется квалификации "формульного" пилота, чтобы укротить автомобиль. <...> постоянный полный привод, довольно "мягкое" сцепление и 6-ступенчатая КПП вполне подвластны даже новичку, разумеется, если он *с царем в голове* – вольности прощаются, но далеко не любые (Публицистика Интернета).

Доступные мне примеры из литературы XIX века также оказываются недостаточными для верификации предложенного толкования. Ср. (3):

(3) Хотя и действительно он имел и практику, и опыт в житейских делах, и некоторые очень замечательные способности, но он любил выставлять себя более исполнителем чужой идеи, чем *с своим царем в голове*, человеком "без лесты преданным", и – куда нейдет век? – даже русским и сердечным (Ф.М. Достоевский. Идиот).

Особого внимания заслуживает предлагаемая в Словаре система стилистических помет, отражающая не только стилевые регистры (от *elev* "высокое" до *vilg* "вульгарное" и *taboo* "табуированное"), временные характеристики (от *obv* "устаревшее" до *recent* "новое"), но и пометы характера речи типа *humor* "шутливое", *impol* "невежливое", *derog* "уничижительное", а также пометы, указывающие на соответствующий тип дискурса (*offic* "официальное", *lit* "книжное", *folk poet* "народно-поэтическое"). Тем не менее, даже столь хорошо развитая система помет в некоторых случаях оказывается недостаточной для разграничения выражений с явно несовпадающими прагматическими характеристиками. Ср., например, идиомы *за семь верст киселя хлебать* и *на задворках (чего-л.)*. И то и другое выражение получает в Словаре помету *coll* ≈ "разговорное". Интуитивно это представля-

ется не вполне точным, так как первое из этих выражений воспринимается как "народное", то есть обладающее национально-специфичными коннотациями (оно, например, вряд ли уместно в текстах, переведенных с других языков), в то время как второе, действительно, просто разговорное.

Далее, не совсем ясна практическая ценность пометы *folk poet* "народно-поэтическое". Эта помета используется в Словаре крайне редко и приписывается таким идиомам, как *в некотором царстве, в некотором государстве*. Представляется более целесообразным ввести помету народное и последовательно приписывать ее выражениям, обнаруживающим национально-специфическими коннотации, вне зависимости от того, воспринимаются ли они как элементы фольклорной поэтики (ср. *мать сыра земля, для милого дружка семь верст не околица*)¹⁰ или относятся скорее к сфере традиционного – "негородского" – разговорного дискурса: ср. *Федот, да не тот; мели, Емеля, твоя неделя; ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца; по усам стекло, (а) в рот не попало; раздать всем сестрам по серьгам; на тебе, боже, что нам негоже* (примеры из [Тезаурус (в печати)]).

Маркировать такие единицы с помощью специальной пометы представляется весьма желательным, особенно в двуязычных словарях, так как подобные выражения могут восприниматься странно в устах людей, для которых русский язык не является родным.

Понятно, что область стилистических помет представляет собой наименее операционализируемый компонент словарного описания лексических единиц. Практически любые решения, принимаемые в этой области, основываются на интуиции исследователя, его индивидуальном языковом опыте или опираются на существующую лексикографическую традицию, поэтому дискуссии по поводу того, правильно или неправильно приписана та или иная помета в каждом конкретном случае, малопродуктивны. Очевидно, однако, что в этом направлении должны вестись дальнейшие поиски. В этом смысле стилистическая концепция Словаря – безусловно, шаг вперед по сравнению с пометами, принятыми в традиционной русской лексикографии. Сопоставление системы помет Словаря с другими современными подходами (ср., например, [НОСС 2004; Тезаурус (в печати)]) может дать инте-

¹⁰ Первое из этих выражений в Словаре отсутствует, второе дается без пометы.

ресные теоретические и практические результаты.

3. С точки зрения развития теории фразеологии Словарь интересен, в первую очередь, тем, что по-новому ставит вопрос межъязыковой эквивалентности в области фразеологии. Уже само наличие в Словаре толкований, помимо обычных для двуязычных словарей переводных эквивалентов, указывает на то, что в основе его концепции лежит представление о практической невозможности передать значение и особенности употребления фразеологизма языка-источника с помощью квазиэквивалентных ему фразеологизмов языка-цели. Эта идея представляется глубоко верной. Идиомы (как, впрочем, и конвенциональные метафоры других типов) – это настолько сложно устроенные единицы лексикона, что трудно ожидать полного совпадения на первый взгляд похожих выражений разных языков. Хотя бы по одному из трех базовых семиотических измерений – семантике, синтактике или прагматике – внешне схожие идиомы языка-источника и языка-цели, как правило, обнаруживают различия, значимые для их реального функционирования в речи (подробнее об этом [Dobrovol'skij 2000b]). Приведем лишь два примера.

Русская идиома *пускать козла в огород* внешне очень похожа на немецкую идиому *den Bock zum Gärtner machen* (букв. "делать / назначать козла садовником"). Неудивительно, что все известные мне русско-немецкие и немецко-русские словари описывают эти идиомы как полностью эквивалентные. Обращение к контекстам показывает, однако, что это не так. Русская идиома *пускать козла в огород* может быть приблизительно протолкована следующим образом: "доверить кому-л. контроль над определенной сферой деятельности, при том что это лицо способно причинить в этой сфере деятельности серьезный вред и будет использовать свое положение в личных интересах"¹¹. Немецкая идиома *den Bock zum Gärtner machen* отгиается от русской на компонент значения 'использовать свое положение в личных интересах'. Иными словами, она встречается в контекстах, в которых речь идет о назначении на ту или иную должность человека, не обладающего соот-

ветствующей компетенцией и, следовательно, неспособного эффективно работать в этой должности. Заметим, что эти межъязыковые различия могут быть (по крайней мере, до известной степени) объяснены в терминах образной составляющей. В основе внутренней формы русской идиомы лежит метафора допуска "потенциального вредителя" к некоторому ресурсу, при том что о "вредителе" известно, что он в силу своей природы будет использовать этот ресурс в личных интересах. Внутренняя форма немецкой идиомы не профилирует идею допуска к ресурсу, она основана на метафоре "абсурдного назначения".

Этот пример показывает, что словарная статья, предусматривающая лишь зону перевода, в принципе не может отразить подобные межъязыковые различия, существенные для правильного употребления идиом. Разумеется, формат описания, предположенный в Словаре, не единственно возможный. Можно представить себе и более привычное для двуязычных словарей распределение материала, при котором основной является не зона толкования, а зона перевода. При таком способе подачи материала все существенные различия между идиомой языка-источника и ее квазиэквивалентами могут быть указаны в комментариях. Важно лишь, чтобы межъязыковые различия такого рода были исследованы, описаны и представлены в доступной для пользователя лексикографической форме.

Во многих случаях переводные соответствия – это лишь схожие с описываемой идиомой по актуальному значению и / или внутренней форме единицы, а не эквиваленты в строгом смысле. Они могут употребляться при переводе текстов с русского языка на английский лишь в контекстах нейтрализации значимых различий. Причем некоторые из подобных "эквивалентов" практически никогда не могут быть использованы в качестве таковых при переводе реальных (а не учебных) текстов. Для них в Словаре предусмотрен оператор *cf.* "сравни". Так, идиома *в Тулу со своим самоваром не ездят*, протолкованная как "there is no need to bring sth. to a place that already has an abundance of it" содержит в качестве приблизительного эквивалента английское выражение *≈ why <don't> carry water to the river*, а в качестве сопоставимого по семантике (но неэквивалентного) фразеологизма, вводимого оператором *cf.* выражение *it's useless to carry <it would be like carrying> coals to Newcastle*, содержащее явные национально-специфические коннотации. Важно отметить, что препятствием для подлинной эквивалентности являются не

¹¹ Ср. сходное по сути толкование этой идиомы в Словаре: "to allow s.o. access to some place where he may be esp. harmful or to some thing that he wants to use or exploit for personal gain".

только прагматические факторы (ср. компоненты *Тула* и *самовар*, с одной стороны, и *Newcastle* – с другой), но и чисто семантические особенности этих фразеологизмов. Так, английская идиома *to carry coals to Newcastle* допускает в качестве "оказавшегося ненужным объекта" обозначения нематериальных сущностей, а русское выражение *ездить в Тулу со своим самоваром* – нет. Ср. ²*Проводить основы христианства в среде староверов – все равно, что ездить в Тулу со своим самоваром.*

В заключение отметим, что к несомненным достоинствам Словаря относятся и такие, казалось бы, чисто технические моменты, как максимально удобное для читателя расположение фразеологизмов (по наименее изменяемому полнозначному компоненту) и наличие индекса, позволяющего найти искомый фразеологизм по любому из его компонентов. Для англоязычных пользователей, не всегда способных привести найденное в тексте выражение к его лемматизированной форме, такой индекс совершенно необходим.

Все сказанное о Словаре позволяет сделать вывод, что он интересен и полезен для самой широкой аудитории. Словарь помогает изучать и русский и английский язык, он чрезвычайно полезен переводчикам (о чем свидетельствуют многочисленные отклики в журналах и письмах читателей), а также представляет несомненный интерес для профессиональных лингвистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Апресян 2004 – Ю.Д. *Апресян*. О семантической непустоте и мотивированности лексических функций глаголов // Проблемы русской лексикографии. Тезисы докладов международной конференции "Шестые Шмелевские чтения". М., 2004.
- Баранов, Добровольский 1998 – А.Н. *Баранов, Д.О. Добровольский*. Внутренняя форма идиом и проблема толкования // ИАН СЛЯ. 1998. № 1.
- Буй 1995 – В. *Буй*. Русская заветная идиоматика. М., 1995.
- Гуревич, Дозорец 1995 – В.В. *Гуревич, Ж.А. Дозорец*. Краткий русско-английский фразеологический словарь. М., 1995.
- Добровольский 1996 – Д.О. *Добровольский*. Образная составляющая в семантике идиом // ВЯ. 1996. № 1.
- НОСС 2004 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю.Д. *Апресяна*. М., 2004.
- Ожегов, Шведова 1992 – С.И. *Ожегов, Н.Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- РАФС – С. *Лубенская*. Русско-английский фразеологический словарь. М., 1997.
- Тезаурус (в печати) – А.Н. *Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева, А.Д. Козеренко*. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М. (в печати).
- ТКС – И.А. *Мельчук, А.К. Жолковский*. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Wien, 1984.
- Dobrovol'skij 2000a – D. *Dobrovol'skij*. Syntaktische Modifizierbarkeit von Idiomen aus lexikographischer Perspektive // U. *Heid, S. Evert, E. Lehmann, C. Rohrer* (eds.). Proceedings of the ninth Euralex international congress. Stuttgart, 2000.
- Dobrovol'skij 2000b – D. *Dobrovol'skij*. Contrastive idiom analysis: Russian and German idioms in theory and in the bilingual dictionary // International journal of lexicography. V. 13. 2000. № 3.
- Lubensky 1995 – S. *Lubensky*. Random House Russian-English dictionary of idioms. New York, 1995.
- Mel'čuk (in print) – I.A. *Mel'čuk*. Lexical functions and phraseology // H. *Burger, D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N. Norrick* (eds.). Handbook phraseology. Berlin; New York (in print).

Д.О. Добровольский